

## ПРОГРАММА АЛЕКСАНДРА I В ОТНОШЕНИИ КАВКАЗА

*П. П. Карпенко, А. В. Пелогейко*

*В статье рассматривается период правления Александра I и его программа в отношении Кавказа.*

*Основная идея программы правительства Александра I в отношении Кавказа заключалась в необходимости закрепления позиции Российской империи в регионе. Это и обусловило коренной перелом в политике России на Кавказе произошедший в середине второго десятилетия XIX века. А. П. Ермолов – один из наиболее почитаемых героев Отечественной войны, представитель суворовской школы полководцев-победителей и являвшегося таким образом живой легендой для всего офицерского корпуса России, был наделен полномочиями наместника Александром I. В период наместничества на Кавказе генерала А. П. Ермолова, военная политика и соответственно геополитическая экспансия России в регионе приобретает целенаправленный характер и качественно новое содержание, в соответствии с программой Александра I.*

*Ключевые слова:* Россия, Северный Кавказ, Александр I, А.П. Ермолов, Турция, Иран, Чечня, Дагестан, Грузия, Каспийская флотилия, Отдельный кавказский корпус, Черное море.

Ключевая идея правительственной программы Александра I относительно Кавказа сводилась к необходимости упрочить позиции империи в этом регионе, чтобы затем решать уже более масштабные стратегические задачи. Именно данное обстоятельство и вызвало кардинальный поворот в российской кавказской политике, случившийся в середине второго десятилетия XIX века. Многие авторы, изучавшие кавказскую политику России, склонны связывать смену официального курса империи на Кавказе с назначением сюда наместником генерала А. П. Ермолова и проводившейся им впоследствии жёсткой линией по колонизации края. Однако на деле такая трактовка отражает реальные политические процессы начала XIX века лишь отчасти и представляет собой упрощённое объяснение событий, где причина и следствие кавказской политики России меняются местами. Не генерал Ермолов изменил российскую политику на Северном Кавказе, а напротив – трансформация представлений руководства страны о целях и задачах империи в регионе сделала востребованной фигуру именно А. П. Ермолова: одного из наи-

более прославленных героев Отечественной войны, представителя суворовской школы полководцев-победителей, а значит, живой легенды для всего офицерского состава России.

В самом общем виде свою позицию по кавказскому вопросу Александр I сформулировал в краткой фразе: «Стоять на Кавказе твердо» [1 с. 328-329]. Именно А. П. Ермолов более всего подходил для воплощения этой установки, и поэтому, невзирая на некоторые его личные качества, близость к либеральным кругам офицерства, а также репутацию бунтаря, он всё же был поставлен во главе Грузинского корпуса. Более того, масштаб задач, которые предстояло решить генералу, предопределил уровень его ответственности и объём полномочий, дарованных ему Александром I. Среди этих полномочий были, к примеру, такие: принятие местных кавказских народов в российское подданство, ведение вопросов войны и мира вплоть до объявления военных действий и их начала – будь то в Закавказье, на Северном Кавказе или в приграничных с Россией районах Персии и Турции, и так далее. В руках наместника была сосре-

доточена огромная власть: он одновременно являлся командиром Отдельного кавказского корпуса и главноуправляющим Грузией. Ему подчинялись Каспийская флотилия, Черноморское казачье войско, Астраханская и Кавказская губернии. Общая численность всех войск, которые находились в распоряжении наместника, превышала 50 тысяч человек. Всё это ярко свидетельствовало о том, какой вес придавался кавказской политике в официальном Петербурге.

Именно в соответствии с названной программой Александра I выстраивалась в дальнейшем вся кавказская линия. Этой программой Россия, по сути, провозгласила свою военно-политическую экспансию в регионе. И именно в период наместничества на Кавказе генерала А. П. Ермолова военная политика и, соответственно, геополитическая экспансия России на Кавказе обретают целенаправленный характер и качественно новое наполнение. Его специфика заключалась в том, чтобы разделить горские народы на лояльных и нелояльных по отношению к России (по терминологии XIX века — мирных и немирных), подавлять открытые вооружённые выступления против империи и не допускать возможных аналогичных волнений.

Важнейшим фактором, определившим суть ермоловской политики, стало то, что «проконсул Кавказа» просто не мог представить себе, чтобы какой-то местный владетель отказывал в покорности российскому императору, чью власть он считал более справедливой. Поэтому все усилия наместника были направлены на ограничение суверенной власти кавказских правителей, а там, где это представлялось возможным, — и на её полную ликвидацию. В более широком смысле свою задачу Ермолов видел в продолжении процесса собирания земель, начавшегося задолго до него. К моменту окончания его правления большинство государственных и этно-территориальных образований Кавказа

уже находилось под полной юрисдикцией Российской империи.

Исходя из анализа сложившейся тогда военно-политической обстановки, Ермолов выработал основные принципы и направления военной политики России на Северном Кавказе, которые изложил в рапорте императору Александру I от 12 февраля 1819 года: «Государь! Внешней войны опасаться не можно... Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худые следствия; несколько позднее и умноженных будет недостаточно» [2]. Основываясь на таком понимании целей и задач военной политики России на Кавказе, ещё в 1818 году Ермолов предложил Александру I программу действий. Она предусматривала создание на Северном Кавказе, и особенно в Чечне, разветвлённой сети оборонительных сооружений, которая ограничивала бы свободу передвижения мобильных отрядов горцев, направлявшихся для совершения набегов на равнинные районы [3, С. 95]. В русле этой программы Ермолов составил последовательный и систематический план наступательных операций. Показательна в этом отношении сама логика Ермолова относительно того, как следует устанавливать власть России в регионе. «Кавказ, — говорил А. П. Ермолов, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду».

Не оставляя горцам безнаказанным ни одного ограбления, ни одного набега, он в то же время, по характеристике А. Керсновского, «положил никогда не делать второго шага, не сделав первого, — не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав раньше наступательных плац-

дармов. Существенную часть плана составляла постройка дорог и просек, возведение укреплений (топору и заступу А. П. Ермолов отводил место наравне с ружьем) и, наконец, широкая колонизация края казаками и образование „прослоек“ между враждебными России племенами путем переселения туда „преданных нам племен“» [3, с. 97].

Весьма показательна в этом смысле военно-политическая прозорливость Ермолова, поскольку дальнейшее развитие событий в регионе лишь подтвердило опасения главнокомандующего. Уже весной 1818 года всё внимание русского военного командования было приковано к восстанию в Чечне. Осознавая всю серьёзность этого мятежа и его возможные последствия, Ермолов лично возглавил экспедицию в Чечню, «рядом коротких ударов привел в повиновение всю местность между Терекон и Сунжей, построил крепость Грозную». Обезопасив аналогичным образом левый фланг со стороны Дагестана, Ермолов двинулся в Аварию на Дженгутай, где в тот период также происходило восстание под руководством аварского владетеля Аслан-хана. После подавления этого выступления Аварское ханство вновь было приведено к присяге на верность России, а для предотвращения подобных мятежей в 1819 году здесь была возведена крепость Внезапная. В следующем, 1820 году Ермолов предпринял экспедиции в Каракайтаг, Акушу, Кази-Кумух и другие районы Дагестана, тем самым расширив зону влияния русской администрации.

Постройкой в 1821 году крепости Бурной завершилось формирование на левом фланге так называемого треугольника опорных пунктов. Это поставило под фактический полный контроль русской военной администрации развитие военно-политической ситуации в регионе и – что самое важное – передвижения различных мобильных вооружённых формирований горцев, что позволяло предотвращать их дерзкие и внезапные налёты. Обеспечив таким об-

разом левый фланг, Ермолов в 1822 году обратил внимание на центр Кавказской линии, где за счёт возведения новых укреплённых линий были подавлены и не допущены в дальнейшем антироссийские вооружённые выступления в Кабарде. Стратегия действий Ермолова оказалась единственно верной. Именно она не позволила уже в середине 1820-х годов разрозненным вооружённым выступлениям в регионе слиться в единое целое и тем самым уберегла народы Северного Кавказа от опустошительных войн. Это особенно важно, поскольку значительная часть антироссийских выступлений имела ярко выраженный спровоцированный характер и по своей сути не выражала интересов ни всего населения региона, ни даже какого-то отдельного народа [4, с. 150-151].

В 1827 году сменивший Ермолова на посту наместника генерал И. Ф. Паскевич, несмотря на неприятие политики своего предшественника, тем не менее продолжал линию на военно-силовое утверждение России в регионе. Однако граф Паскевич не обладал теми качествами талантливового военачальника и администратора, которые были присущи Ермолову. Не сумел Паскевич определиться и с приоритетами российской политики на Кавказе. Им были упущены негативные процессы, назревавшие в центре и на востоке северокавказского региона, где именно в тот период зарождалось мощное радикальное антироссийское движение мюридизма и происходила трансформация отдельных вооружённых выступлений в одну из самых длительных и масштабных войн России – Кавказскую [5, с. 58].

Вывод основных сил Кавказского корпуса с Центрального и Восточного Кавказа стал крупной стратегической ошибкой, поскольку это позволило составившим горцам не только захватить лояльные России Аварское ханство и Тарковское шамхальство, но и распространить своё влияние на значительную часть Горного Дагестана и Чечни. К 1832

году власть мюридов была установлена практически повсеместно в Дагестане и Чечне, а также в ряде районов Центрального Кавказа. Таким образом, большинство территорий Северо-Восточного Кавказа в указанный период вышли из-под контроля русской военной администрации. И только тогда военное командование осознало всю значимость этого движения и его негативные последствия для России. Впоследствии для буквально всех главнокомандующих Кавказским корпусом проблема «умиротворения горцев» стала задачей первостепенной важности. Однако этот острый кризис, принявший характер затяжного военно-политического противостояния, не остановил российской экспансии на данном направлении. Этому во многом способствовали итоги победоносных войн России с Ираном и Турцией. По их результатам были подписаны Туркманчайский договор с Ираном (1828) и Адрианопольский договор с Турцией (1829).

Согласно этим документам, Персия окончательно отказывалась от любых прав на Дагестан в пользу России, а Турция признавала весь Северо-Западный Кавказ «вечным владением Российской империи» [6, с. 202]. К России отошли всё западное побережье Каспия и восточное побережье Чёрного моря, включая такие стратегически важные

пункты, как крепости Анапа, Гагра, Сухум и другие. Наиболее существенным здесь стало закрепление России практически на всём восточном берегу Чёрного моря, а также в Закубанье и на Центральном Кавказе. Это резко изменило стратегическую ситуацию на Кавказе в пользу России и расширило сферу её влияния на всём Ближнем Востоке.

В целом же кавказская политика России в данный период определялась не столько территориальными приобретениями на Кавказе, сколько вопросом о черноморских проливах, которые приобрели для империи уже стратегическое значение. «Географическое положение государств определяет их нужды и пользы, – писал Николай I в инструкции послу в Константинополе Рибопьеру (1826). Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что с того дня, как русские владения коснулись берегов Чёрного моря, свободное сообщение между этим морем и Средиземным стало одним из первых интересов России, а сильное влияние в Константинополе – одной из первых потребностей» [7, с. 78]. Поэтому войны России с сопредельными государствами в регионе носили традиционный характер и велись, как уже отмечалось, за обладание выгодными стратегическими рубежами как на самом Кавказе, так и за его пределами.

#### Список источников и литературы

1. *Ермолов А. П.* Записки. (1798-1826). – М., 1991. – 463 с.
2. *Ковязин С. В.* Основные направления военной политики России на Северном Кавказе в XIX в. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1998. – 183 с.
3. *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4-х т. – Т. 2. – М.: Голос, 1993. – 336 с.
4. *Шеремет В. И.* Турция и Андрианопольский мир 1829 года. – М., 1976. – 224 с.
5. *Теплов В. А.* Русские представители в Царьграде в 1496-1891 : Русские представители в Царьграде в 1496-1891 Ист. очерк / [Соч.] В. Теплова. – Санкт-Петербург : тип. А.С. Суворина, 1891. – [2], 73 с.
6. *Маркова О. П.* Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки / Отв. ред. А.Л. Сидоров – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 42. – с. 202-237.
7. *Юзефович Т. А.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., 1869. – 296 с.

**Карпенко Петр Павлович** – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), pkarpenko1959@gmail.com

**Пелогейко Александр Викторович** – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), pelogeiko@gmail.com

## ALEXANDER I'S PROGRAM REGARDING THE CAUCASUS

*P. P. Karpenko, A. V. Pelogeiko*

*The article examines the reign of Alexander I and his program regarding the Caucasus.*

*The main idea of the government program of Alexander I regarding the Caucasus was the necessity of consolidating the position of the Russian Empire in the region. This also caused a radical turning point in Russia's policy in the Caucasus that occurred in the middle of the second decade of the 19th century. A.P. Ermolov – one of the most revered heroes of the Patriotic War, a representative of Suvorov's school of victorious commanders, and thus a living legend for the entire officer corps of Russia – was granted viceregal powers by Alexander I. During the governorship of General A.P. Ermolov in the Caucasus, military policy and, accordingly, Russia's geopolitical expansion in the region acquired a purposeful character and qualitatively new content, in accordance with Alexander I's program.*

**Keywords:** Russia, North Caucasus, Alexander I, A.P. Ermolov, Turkey, Iran, Chechnya, Dagestan, Georgia, Caspian Flotilla, Separate Caucasus Corps, Black Sea.

### References

1. *Ermolov A. P. Zapiski. (1798–1826) [Notes. (1798-1826)].* – Moscow, 1991. – 463 p. (In Russ.)
2. *Kovyazin S. V. Osnovnye napravleniya voennoj politiki Rossii na Severnom Kavkaze v XIX v. [Main Directions of Russia's Military Policy in the North Caucasus in the 19th Century].* Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Author's Abstract of PhD Dissertation]. – Moscow, 1998. – 183 p. (In Russ.)
3. *Kersnovskij A. A. Istoriya russkoj armii: V 4-kh t. [History of the Russian Army: In 4 vols.].* – Vol. 2. – Moscow: Golos, 1993. – 336 p. (In Russ.)
4. *Sheremet V. I. Turciya i Adrianopol'skij mir 1829 goda [Turkey and the Treaty of Adrianople of 1829].* – Moscow, 1976. – 224 p. (In Russ.)
5. *Teplov V. A. Russkie predstaviteli v Car'grade v 1496-1891: Istoricheskij ocherk [Russian Representatives in Tsargrad in 1496-1891: A Historical Sketch].* – Saint Petersburg: tip. A.S. Suvorina, 1891. – [2], 73 p. (In Russ.)
6. *Markova O. P. Vostochnyj krizis 30-kh – nachala 40-kh godov XIX veka i dvizhenie myuridizma [The Eastern Crisis of the 1830s – Early 1840s and the Muridism Movement] // Istoricheskie zapiski [Historical Notes] / Ed. by A.L. Sidorov. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953. – Vol. 42. – pp. 202-237. (In Russ.)*
7. *Yuzefovich T. A. Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Russia's Treaties with the East. Political and Commercial].* – Saint Petersburg, 1869. – 296 p. (In Russ.)

**Karpenko Petr Pavlovich** – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), pkarpenko1959@gmail.com

**Pelogeiko Aleksandr Viktorovich** – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), pelogeiko@gmail.com

*Статья поступила в редакцию: 28.04.2026; принята к публикации: 23.05.2026.*

### ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

*Карпенко П. П., Пелогейко А. В. Программа Александра I в отношении Кавказа // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 40-45.*

**FOR CITATION:**

*Karpenko P. P., Pelogeiko A. V.* Programma Aleksandra I v otnoshenii Kavkaza [Alexander I's Program Regarding the Caucasus] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 40-45